

Я встретила её на берегу Чёрного моря, в Коктебеле, напротив дома Волошина. Был август, тот самый август две тысячи четырнадцатого, когда Крым вернулся в Россию.

Я пришла на берег на рассвете, дабы увидеть, как солнце поднимется из-за горы. Причал Волошина был пуст. Маленькие волны прозрачного, как слеза, моря перешёптывались с камешками на берегу. Возле памятника Волошину коротко стриженный мужичок в оранжевом жилете мёл брусчатку набережной. Чуть дальше от меня, возле тентов, девушка в фиолетовом купальнике делала гимнастику. Светлые волосы её были собраны в пучок, как у балерины.

Небо над горой нежно розовело. Показался огненно-красный краешек солнца. Вскоре оно встало на гору, готовое покатиться по вершинам; мгновение – и солнце повисло над горой. Девушка в фиолетовом купальнике вошла по колена в воду, развела руки в стороны, к небу.

Я сняла обувь и ступила в невероятно чистое утреннее море. Солнце переставало быть красным, поднимаясь всё выше, невыносимо желтело в голубом, без единого облака небе. Чувствуя приближение скорого зноя, я поплыла. Девушка в фиолетовом купальнике вошла в воду по пояс, всё ещё держа руки вверх, будто просила манны небесной. Из моря казалась она мне ещё стройнее, прекраснее, чем с берега. Она явно свержала ритуал перед погружением.

Я легла на спину и, глядя в небо, коротко помолилась о своих пустяках. Течение отнесло меня к пирсу. Хохмы ради я под него заплыла. Обхватила ржавый, напитанный солью столб, прижалась к нему, как к близкому человеку.

Вокруг царила божья благодать. Причал над головой заскрипел и продрожал каждой досочкой. Там, где он заканчивался, свесились босые мужские ноги. Морская волна была слишком слаба, чтобы коснуться чуть ржавых пяток. Казалось, ноги крепко задумались о чём-то важном. Это был неизвестный рыбак. Правее от меня плавала девушка со светлыми волосами. Нырнула надолго... Вынырнула, вновь нырнула – резвилась, как дельфин. Так искренне резвилась, будто забыла, что она человек.

На следующее утро я вновь пришла встречать рассвет. На всю набережную орала отвратительная музыка и слышались пьяные хрипы. На пирсе, свесив ноги, сидел рыбак. Мужчина лет пятидесяти завёл свою старую овчарку в море и умыл её, как ребёнка. Пожилая пара ритмично надувала ножным насосом огромный двуспальный матрац. Видимо, у супругов болели суставы, потому что муж и жена часто менялись: то одной ногой поработает, то другой. По морю тихо двигалась прогулочная деревянная яхта, для которой шутки ради пошили алые паруса. Огромный профиль Волошина глядел в море. Небо над горой порозовело. Выглянул краешек солнца. На моё счастье, музыку на набережной выключили, и стало тихо – возможность всем сердцем прочувствовать ещё одно неповторимое утро.

На берег пришла старушка. Она сняла обувь, расстегнула пуговицы тёмно-синего в белый горошек сарафана, скинула его и... обернулась вчерашней «девушкой» в фиолетовом купальнике! Старушка опустилась перед морем на колени, погладила его. Умылась. Вошла по щиколотку в воду, раскинула руки и закрытыми глазами поглядела во всемогущее небо.

Немудрено, что издалека она показалась мне юной. Это была идеально сложенная пожилая женщина, с идеально прямой спиной, гордо поднятой головой. Тихо, с каким-то невероятным внутренним достоинством стояла она перед огромным морем, солнцем, перед Вселенной. Жизни, дыханию, всей душе её было тесно в этом идеальном теле, но это много лет покорно жило в нём. Много лет несло людям добро.

Я любовалась ею. Тем, как встречает она новый день. Мне очень хотелось заглянуть ей в лицо.

Старушка в фиолетовом купальнике опустила руки, вошла в воду, перевернулась на спину и поплыла к пирсу, где сидел рыбак. Принялась нырять и резвиться дельфином, как и вчера. Вынырнула перед пирсом, поглядела на рыбака, вновь нырнула и вскоре выбралась на берег.

Наконец я могла рассмотреть её лицо: строгие, но добрые глаза. Тонкие губы, длинные мочки ушей и маленькие золотые серёжки, острый подбородок с большой тёмной мохнатой родинкой. Старушка отжала растрепавшиеся волосы.

– Гляди-ка, какая смелая! – сказала она.

Большая белая чайка опустилась на берег совсем рядом с нами.

– Вы знаете, однажды мой муж явился ко мне во сне и сказал: «Не подходи к краю открытого люка». Это было в восемьдесят первом году. Сегодня ночью, спустя тридцать три года я поняла, что значат эти слова. – Она поглядела на чайку, которая, как приبلудный пёс, тёрлась около нас. – Но я не имею права сказать вам.

В утреннем море плавал мужчина. Его жена ждала на берегу, возле матраца. Муж звал её, но она не шла. Появилась чуть пухленькая молодая женщина с детским выражением лица. Она расстелила огромное цветное полотенце и уселась на него.

– Доброе утро! Вы уже купались? Море как? Тёплое?

Девушка-старушка ответила:

– Простите, но сейчас я не имею права разговаривать с вами.

Молодая женщина на цветном полотенце смутилась, а девушка-старушка продолжила беседовать со мной. Она рассказывала странные вещи: про то, как Бог однажды явился к ней и велел никогда не есть сладкого. «Через несколько лет я узнала, что такой-то (мерзкий, нечистый на руку человек) разбогател на конфетах. Слава богу, что я тех конфет не ела». Она утверждала, что ей дано видеть Бога, дано общаться с ним. «Я могу в жару не пить совсем. Потому что если ты сам родник, вода тебе не нужна». «Если ты зерно, которое посадил Бог, ты будешь плодоносить». Мне стало неловко, что она – пожилой человек стоит, а я сижу. Я встала.

– Я вас не отвлекаю своими разговорами?

– Что вы!

– Просто я вижу – вы пишете.

Я действительно кое-что помечала в блокноте, который тут же кинула в широкую пляжную сумку.

– Тебя как зовут? – спросила она.

Я представилась.

– А отчество у тебя как?

Я назвала и отчество. И добавила: «Только моего папы нет в живых».

– Ах вот через кого я с тобой заговорила! Через твоего отца!

«Она бредит», – первая мысль. Сумасшедшая, крымская блаженная! И в то же время эта женщина какая-то чрезвычайно ясная, чистая, как утреннее море, достойная, уверенная. Вселенская правда ощущалась за её словами. Не только за словами, за ней самой тайлся смысл жизни.

– Быть может, сплаваем? – предложила я.

– О нет. Бог ещё не позвал меня в воду. – И она принялась беседовать с женщиной на цветном полотенце.

Из моря я слышала гул их разговора. От взрослого, чуть скрипучего голоса было тепло и как-то молодо на душе. Я всё ждала, когда старушка войдёт в море, чтобы поплыть вперёд вместе, но она в воду не шла. Пожилая пара улеглась на матрац и взялась за руки. Мне стало горько, что муж моей старушки умер. Вероятно, это был хороший мужчина, который при жизни творил благие дела.

Когда я вышла из моря, у меня заныл зуб мудрости, а с ним и вся нижняя челюсть.

– Это пройдёт.

– Что?..

– Боль.

Через несколько мгновений я спросила, как её имя.

– Ты когда домой по набережной пойдёшь, я буду слева. Коричневая такая, с кованой спинкой. Посиди там. Это лавочка. А я – Клавочка.

– А как вы узнали про...

– В твоей жизни есть близкий Владимир?

Я растерялась и стала перебирать всех знакомых мужчин. Странно, такое имя, а ни один Владимир мне на ум не пришёл.

– Нет. Только инструктор из фитнес-центра да человек, у которого мы сначала сняли здесь жильё, а потом ушли, потому что нашли дешевле.

– Ты дважды будешь замужем.

– Я пока совсем не была замужем, но у меня есть ребёнок.

– Ты будешь замужем за Владимиром.

– Я не хочу замуж за Владимира! – возмутилась я. – Я уже люблю другого мужчину! Его зовут Сергей! И я пока ни разу не была замужем!

Почему я стою и каждой клеточкой тела верю этому странному человеку?!

– Даже если ты одну ночь провела с мужчиной, считается, что ты вышла за него замуж. Твоим первым мужем был отец твоего ребёнка, а вторым будет – Владимир.

Не успела я повесить нос по этому поводу, как появился мой сонный Сергей.

– А!.. Ты здесь... Рассвет, что ли, встречаешь?..

И тут Клавочка вскрикнула:

– Боже!! Это – Владимир! Самый настоящий Владимир! Господи, спасибо, что они вместе!!!

Серёжа нахмурился и недоверчиво покосился на мою Клавочку.

Она не попрощалась, бормоча: «Это Владимир, господи, спасибо», накинула сарафан, обулась и покинула пляж.

В тот день мы с Серёжей ели на ужин куриные котлеты. Ночью мучились отравлением, не спали. Лишь под утро он слабо задремал. Обезвоженная, уставшая, я пошла просить у моря сил.

Ещё только-только рассвело, и на берегу не было ни души. Лишь рыбак сидел неподвижно на причале Волошина. Видимо, всю ночь сидел... Я ждала Клавочку. От недосыпа слегка знобило, день всё светлел и светлел, небо над горой становилось алым. С набережной послышалась мужская ругань. Я отправилась к ним. Это были мужчины лет тридцати – тридцати пяти, подвыпившие. Всю ночь они, должно быть, куражились в одном из клубов, а теперь, перед тем как разойтись на сон, вздумали подраться. А мне вдруг от всего сердца не захотелось этой драки. Я влезла в их дикий ор и слюнные брызги.

– Сейчас солнце взойдёт, пожалуйста, не шумите! – Я нежно взяла самого борзого за щёки.

Остальные от неожиданности притихли. Если бы я была парнем, мне бы тут же сломали нос. На солнце никто и не взглянул, все смотрели на меня. В то мгновение я успела осознать невероятную силу маленькой женщины. Женщины, которая способна изменить целый мир, начать или закончить войну. Если мужчина её любит или она ему сильно нравится. Красивая женщина может через мужчину многое...

Я была так полна счастьем, что обняла некоторых парней как самых дорогих мне людей и выпорхнула из их шайки. Ни один из них не вымолвил ни слова, ни один не пошёл за мной. Драка не состоялась.

Берег по-прежнему был пуст. Рыбак сидел. Мне захотелось подойти и сесть рядом, но я не решилась нарушить его одиночество. Я скинула сарафан и поплыла. Море исцеляло меня, не бодрило – баюкало... Уснуть бы в нём, и пусть несёт меня в себе... Я заплыла под пирс. Вдруг ноги встали на воду и пошли. Вероятно, мне примерещилось с бессонной ночи... Но я тут же выплыла из-под пирса – рыбака не было. В то утро Клавочка не пришла. Я больше никогда её не видела.

Мы с Серёжей каждый вечер приходили к морю, когда в небе уже была луна. Я плавала без купальника, а мой «Владимир» ждал меня на берегу, видел, как я плаваю, и не беспокоился. А в тот вечер мы пришли, когда луны ещё не было, и море, и небо были черны. Я уплыла в тёплую ласковую тьму. Плыла и понимала, как огромно и могущественно море и как велика земля. Хотелось плыть и плыть вперёд, отдаваясь этому миру.

С берега меня позвал Серёжа. Я вернулась на его голос. Мы сидели на камнях и слушали море. Волны время от времени лизали нам ноги. Вскоре поднялась красная луна и осветила силуэты гор. Послышались мужские голоса, возможно, это была утренняя шайка, которую я оставила без драки. Запшикали пивные банки, слышались плевки и запахло семечками и куревом. Один из парней разделся и, вкусно матерясь, плюхнулся в море. «А ведь это тоже чей-то “Владимир”», – подумала я и крепче прижалась к своему.